

ТЭИИ. ЛДМ. Весенняя выставка 1987. Замечания наблюдателя.

Два дня на своз и отбор работ, сутки на монтаж оборудования и на все мучения развески - таких жестких условий не припомню. За несколько часов до открытия – комиссия, которая впервые НИЧЕГО НЕ СНЯЛА. Впервые на открытие выставки ТЭИИ речь произносит дама из ГУКа, впервые – красная ленточка, ее разрезает Фигурина, плотная толпа заполняет зал.

Вначале мне казалось, что эта выставка станет событием. Но события не произошло. Потому что для этого недостаточно экспозиции, нужно чтобы существовали люди, которые могли бы ее оценить и свою оценку высказать. У меня подозрение, что таких людей просто нет. Для искусствоведов все, что делается в неофициальном искусстве – вторично, зачем им этим заниматься, зачем рисковать бесплатно...

Кроме того, выставка совпала с другим событием: она открылась 20-го мая, а 21-го все, кому нужно, прочли материалы съезда художников. Они не имели ничего общего с материалами съезда кинематографистов. Или хотя бы съезда писателей. Там было сказано, что пора внести ясность. Пора, наконец, перестроится так, чтобы кроме реализма, ничего не осталось в живых. Ибо все, кроме реализма, – результат застоя. Они там сами себя критикуют за недостаточную борьбу с модернизмом.

И это в те дни, когда печатают «Котлован» Несчастное наше изобразительное искусство За него некому заступиться

И оценить выставку – некому.

Выставка названа «Галереей» и задумана, как макет зала современного изобразительного искусства. Это дало право устроителям на более строгий отбор работ.

Я видела, чего это стоит. «Руки по локоть в крови», – жаловалась Лена Фигурина.

Три года назад, после первой большой фестивальной выставки по поводу отбора работ произошло резкое столкновение противоположных точек зрения. Кажется, Михаил Иванов ввел понятие «пониженного порога», а потом отошел от дел ТЭИИ, недовольный именно этим. «Пониженный порог» означал, что на выставку попадают работы, «находящиеся за гранью искусства». Для пониженного порога было достаточно причин, было и теоретическое обоснование в виде концепции Юрия Новикова, определявшего неофициальное искусство как «городской фольклор». Были и «исторические корни»: участие в выставках в ДК им. Газа и ДК «Невский» определяло не качество работ, а личное мужество художника. А когда назрел вопрос качества, то оказалось, что нужно решать, брать или не брать работы тех, кто шел на выставку в ДК им. Газа «с зубной щеткой в кармане» или кто оказался на Бронницкой, когда «все разбежались по кустам».

Три года назад было упоение демократизмом. ТЭИИ получило возможность выставлять. Устроители почувствовали себя островом свободы в несвободном мире. Я слышала лозунг «выставлять всех!» из уст людей, придерживающихся сейчас противоположной точки зрения. Выставить всех оказалось невозможно не из-за аргументов оппозиции, но просто потому что не хватило стен, и зритель возопил от какофонии этого неслаженного оркестра. Ибо разместить в одном зале двести свободных художников – это совсем не то, что двести членов ЛОСХа.

Между тем число желающих выставиться увеличивалось в геометрической прогрессии. Ситуация менялась. Новоприбывшие ничего не знают об истории движения и не интересуются ею. К организаторам выставок они относятся так же как неофициальные художники к официальным организациям. Некоторые не понимают, что это не учреждение, что тут нет штата. Они принесли работы, они хотят и требуют, чтобы их выставили. Собственно, а что еще должен хотеть и понимать художник? Должен ли разбираться, куда

пришел? Но даже имеющие об этом представление с легким сердцем проходят в отверстие, пробитое в стене чужой головой, при этом относясь к организаторам высокомерно, ибо «художник не должен (или не будет) этим заниматься».

Если исходить из нынешних моральных представлений, то никто ничего не должен. А когда кто-то что-то делает, то «значит ему это нужно».

Все это постепенно перестроило отношение выставкома к приносящим работы. Поначалу трогательное отношение к художники – ведь за что боремся – за художника ! – сменилось защитной реакцией. Начался отбор. И естественно, что легче было «зарубить» незнакомого, чем принадлежавшего среде неофициального искусства .

Все это не касается зрителя. Ему это не интересно. Но и зритель спрашивает, а почему на выставке столько плохих работ? Но только что он при этом имеет в виду? Оценка зрителя – не любителей живописи, а не десятков, а тысяч интересует организаторов выставки ибо эти тысячи аргумент в диалоге с властями. Она интересует и художников, ибо вид очереди перед выставочным залом подымает ему настроение. Так вот, факт прискорбный, но что поделаешь: зритель о качестве работ судит с точностью до наоборот. Чем больше на выставке будет плохих работ, тем большим успехом она будет пользоваться. Зритель с безошибочным чутьем выберет те работы, которые выставком пропустил скрепя сердце. Именно те, что «стоят на гранью искусства». Художников, пользующихся наибольшим уважением в художественной среде, зритель не видит в упор.

Перейду к последней выставке. Не буду формулировать причины, по которым выставком задался целью сделать хорошую выставку. Для этого нужно было всего лишь не брать плохих работ и взять столько работ, чтобы они уместились на стенах зала не очень мешая друг другу. Т.е. нужно было одним отказать совсем, других урезать. Не знаю, бывают ли художники, которые согласились бы с тем, что отсутствие их работы пойдет на пользу общей композиции. Нельзя сказать, что выставком был всегда прав, отклоняя работы. Мне кажется, был прав в большинстве случаев. Я думаю, что нельзя большего требовать от художников, отбирающих работы старых друзей, оценивающих работы, выполненные в манере, ничего общего не имеющей с их собственной. Отклонил ли выставком все, что в идеале хотел? Нет. Но каждая из оставленных вопреки работ им обошлась дорого. Не буду перечислять и указывать – я обладаю меньшим мужеством, чем требовалось от выставкома. Легче всего мне сказать о Владимире Павлове – он висит, потому что приехал с работами из Риги. Не боюсь помянуть его по той же причине – он вряд ли прочтет этот текст. От работ, подобных павловским, выставку чистили. Чистили от салона, слащавости и рынка, от всего, что любит зритель. Любит же он, например, то, что ему напоминает упаковку колготок плюс немного глубокомыслия и таинственности. Почти все, что любит зритель, было выставлено этой зимой в ДК им. Цурюпы. Насчет западной торговой рекламы понятно, в ней работают специалисты высокого класса, в психологии визуального восприятия они смыслят, может быть, только они и занимаются серьезно воспитанием визуального восприятия современника. Более таинственен вопрос цвета. Публика явно предпочитает плохой цвет хорошему.

Прецедент беспощадного отбора был в ТЭИИ год назад. Осуществлял ее выставком с другим составом. В него входил Глеб Богомолов, он его возглавил, он сформулировал: не брать то, что могло бы экспонироваться в ЛОСХе. Что «пахнет ЛОСХом» Тогда строгость дошла до того, что урезали Вл. Шагин. Вл. Шагин или Игорь Иванов не экспонируются в ЛОСХе не по самоочевидным причинам, во всяком случае не в силу своей авангардности. К тому же на выставки ЛОСХа не берут не только авангард, но и работы «классически дурного вкуса», различного рода псевдомодерн, уютно устроившийся в последние годы на выставках ТЭИИ. Выставка не состоялась, но экспозиция была сделана. Авангард и все виды салона. Было жестко и холодно. На этой выставке такого ощущение нет. Есть строгость и почти гармония.

На этом бы и закончить, но что это за статья о выставке если нет ни слова о работах. Я не искусствовед, не знаток, не критик, я беру на себя смелость писать о выставке только из-за того, что больше некому. Я не буду творить суда, рассказывать о понравившихся работах. Скажу лишь о моих наблюдениях над предпочтениями художников. Существует тихое, стабильное, единодушное предпочтение Геннадия Устюгова. И все большее понимание значения Владимира Шагина. Во всяком случае, многие из тех, с кем мне случилось обсуждать выставку, считали, что на ней экспонируются только три достойных художника Устюгов, Вл. Шагин и сам говорящий. Барометром настроений в среде может служить так же почти единодушное приятие работ Ленины Никитиной, выставившей несколько листов из своей серии «Мои товарищи по психиатрической больнице». К фаворитам выставки также можно отнести Владимира Шинкарева и Бориса Борща. В работах Шинкарева впервые соединились обе его ипостаси: Шинкарев-живописец, прежде выставлявший приглушенные, меланхолические, неприметные для публики пейзажи и Шинкарев-писатель, создавший свой вариант массового искусства — смешную, остродейственную прозу. В работах, которые можно видеть на этой выставке, он пользуется образностью массовой культуры, в данном случае воспроизводит кадры популярного телесериала — прием поп-арта, но с противоположным эффектом: вместо холода, отстранения происходит веселое очеловечивание героев.

Один из наиболее распространенных упреков художникам со стороны зрителей (судя по обсуждениям выставок и книге отзывов) состоит в том, что они, якобы, «стоят на месте». Постоянство манеры или ее перемены не имеют прямого отношения к ценности творчества художника, но, когда кто-то приносит на выставку работу, в которой видно движение, это почему-то всех радует. Непрерывное и, я бы сказала: равномерное изменение наблюдается у Борща — в сторону все большего абстрагирования и раскрепощения интуитивных сил. Иные, чем обычно, работы принес Кирилл Миллер. Он принес работы, если так можно выразиться по отношению к Миллеру: с нотой печали. Это само по себе было забавно. Он на этот раз обошелся без человеческих фигур, оставаясь при этом остро социальным. Его безлюдные пейзажи построены на цветах милицейской формы. Судя по книге отзывов, он и в таком виде нашел дорогу к сердцу зрителя.

Интересно отношение к «диким», тут так называют «новых художников». Они ныне декларируют демократичность и общедоступность своего искусства. Они и впрямь чрезвычайно популярны, художники самых разных направлений сходятся на их приятии. Но пределами художественной среды они не имеют зрителя. (Это подобно происходящему в науке, где стала появляется популярная литература, предназначенная не для неученых, как в прошлом, но для ученых, занимающихся другими проблемами. Для неученых она непонятна. А к той популярной литературе, которую могут читать неученые, ученые относятся обычно плохо. Как художники к тем, что нравится широкой публике. Может быть по той же причине: истина требует напряжения, публика — релаксации).

«Дикие» рассчитаны на зрителя, который знает, что «все уже было». Наш же зритель предельно наивен и ничем не пресыщен — даже натурализмом. Он требует, чтобы «было красиво» и чтобы была «идея». Наш зритель не раздавлен обилием культуры и поэтому не способен радоваться освежающему воздействию варварства.

Неоценима выгода, получаемая на выставках ТЭИИ объединением в группу. Ошарашенный разнообразием зритель хочет, чтобы выставку хотя бы структурировали. Он тут же начинает интересоваться любой группой. Но на последней выставке групповые интересы были пожертвованы общей экспозиции. Группой представлены только «Митьки», чей пафос саморекламы находится на такой патетической ноте, что любая помеха превращается в драматическое событие. Так что они висят блоком, а в остальном принцип развески скорее контрастный. Развеска имела целью представить работы так, чтобы они по возможности подчеркнули, а не убили друг друга. Не всегда получилось, но есть куски

вызывающие восхищение. Кроме того, сама конструкция выставочного оборудования на этот раз соответствовала залу, что придало выставке более стройный вид. Так что выставка была самой стройной и гармоничной и даже академичной из выставок ТЭИИ. Более скучной на чей-то взгляд. По крайней мере Евгению Юфиту там было нечего снять, и пришлось Ковальскому, одевшись в противогаз, рычать и извиваться перед картиной Юфита. Не то что в Гавани, где Богомоллов отчищал запачканную краской шубку телекурьерши, таскали туда-сюда «Ноль-объект», а внутри концептуального объекта москвичей можно было заснять драку.

В заключение назову членов выставкома – героев и мучников этой выставки: Вячеслав Афоничев, Валентин Герасименко, Владимир Михайлов, Евгений Орлов (ответственный за развеску), Евгений Тыкоцкий, Елена Фигуринна.